

К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского Суда по правам человека

М. А. Рожкова

Название настоящей работы может показаться, вероятно, не совсем точным, поскольку понятие «собственность» упоминается в тексте не самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ (далее — Конвенция), а в тексте Протокола № 1 к ней. Однако исходя из того, что все Протоколы к Конвенции являются составными частями последней, понятием «Конвенция» охватываются как собственно сама Конвенция, так и Протоколы к ней. Подтверждение данному выводу содержится, например, в ст. 1 Регламента Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), в п. (а) которой указано, что понятие «Конвенция» означает Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней.

Прецедентная практика ЕСПЧ оказывает реальное влияние на

Рожкова Марина Александровна — ведущий научный сотрудник ИЗиСП, кандидат юридических наук.

¹Официальный перевод текста Конвенции о защите прав человека и основных свобод на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163. Достаточно часто в литературе данная Конвенция обозначается как «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод»; слово «Европейская» призвано подчеркнуть тот факт, что она распространяется на европейский регион, в отличие, скажем, от Всеобщей декларации прав человека. Однако встречающееся в российской литературе (иногда в официальных документах) иное наименование данной Конвенции, как, например, Конвенция по защите прав человека, нельзя признать правильным.

развитие национального права государств — участников Конвенции. Это обусловлено тем, что содержащиеся в актах ЕСПЧ правовые положения учитываются при совершении национальным законодательством, а также в правоприменительной (административной и судебной) деятельности органов государств — участников Конвенции. Такое положение сложилось в силу следующего.

Статья 46 Конвенции предусматривает, что государства — участники Конвенции обязуются исполнять окончательные постановления ЕСПЧ по делам, в которых они являются сторонами². Иными словами, постановление ЕСПЧ, в ко-

² Следует разграничивать акты ЕСПЧ на (1) решения о приемлемости и (2) постановления. В тех случаях, когда индивидуальная жалоба принята к производству в ЕСПЧ, решается вопрос о ее приемлемости, о чем ЕСПЧ выносит *решение (решение о приемлемости)*. Если в отношении приемлемости жалобы вынесено положительное решение (она признана приемлемой), ЕСПЧ по общему правилу рассматривает ее по существу, если отрицательное (жалоба признана неприемлемой) — это решение становится окончательным, и дело снимается со слушания (вычеркивается из списка). По итогам рассмотрения жалобы по существу ЕСПЧ выносит *постановление (окончательное постановление)*, в котором делает вывод о том, имело ли место нарушение провозглашенных Конвенцией прав конкретного лица (подробнее о порядке деятельности ЕСПЧ см.: Рожкова М. А., Афанасьев Д. В. Новые правила обращения в Европейский Суд по правам человека. Текст Регламента, новеллы, комментарии. М., 2004).

тором установлено нарушение прав человека, гарантированных Конвенцией, является обязательным для того государства, жалоба против которого была предметом рассмотрения в данном деле. Однако это постановление ЕСПЧ не требует обязательного исполнения на территории иных государств — участников Конвенции, которые в этом деле не участвовали, равно как не являются обязательными к исполнению решения ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалоб (решение о приемлемости).

Сказанное выше ничуть не умаляет значимость прецедентной практики ЕСПЧ для развития национального права государств-участников, а, напротив, позволяет подчеркнуть то обстоятельство, что большинство государств — участников Конвенции учитывают постановления ЕСПЧ, которые вынесены в отношении других государств — участников Конвенции, а также выводы, содержащиеся в решениях о приемлемости. То есть государства — участники Конвенции принимают во внимание *всю практику* ЕСПЧ. Указанное обстоятельство объясняется весьма просто: такой подход позволяет избежать новых нарушений Конвенции и, как следствие, новых постановлений ЕСПЧ, которыми признается нарушение конкретным государством принятых на себя обязательств.

Правоположения (выводы), сформулированные в актах ЕСПЧ, суть положения Конвенции, которым ЕСПЧ дал необходимое толкование (возможно, здесь уместно сравнение деятельности ЕСПЧ с деятельностью Конституционного Суда РФ: как первый, так и второй в процессе реализации своих полномочий толкуют положения соответственно Конвенции или Конституции РФ применительно к вопросу, переданному на их рассмотрение).

ЕСПЧ, являясь единственным органом, уполномоченным официально толковать и разъяснять весь-

ма краткие формулировки положений Конвенции и Протоколов к ней, реализуя эту компетенцию, тем самым расширяет границы действия Конвенции и наполняет ее положения новым смыслом³. Толкование и разъяснение ЕСПЧ положений Конвенции имеет целью снизить вероятность нарушений прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней, в государствах — участниках Конвенции. Следовательно, применение Конвенции в правовой системе любого государства — участника Конвенции возможно только так, как она понимается в практике ЕСПЧ⁴.

Безусловно, с формальной точки зрения, государства — участники Конвенции не возлагали на себя обязательств следовать всем актам ЕСПЧ. Однако игнорирование ими постановлений, принимаемых в отношении иных стран, было бы неверным: ЕСПЧ признает себя связанным прецедентом при рассмотрении последующих жалоб и обычно указывает в своих постановлениях на сложившуюся прецедентную практику. Таким образом, нарушение Конвенции и Протоколов к ней, выявленное ЕСПЧ в отношении одного государства, является для всех

³ В связи с этим можно сказать о том, что положения Конвенции находятся в постоянном развитии, которое напрямую зависит от появления новых постановлений ЕСПЧ: иногда отмечают, что Конвенция — это то, что о ней говорится в постановлениях ЕСПЧ.

⁴ Комитет Министров Совета Европы в своих рекомендациях указывал следующее: «Необходимое условие эффективной защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах так, как она понимается в практике Европейского суда» (п. 3 Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам-членам по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека, принятых 12 мая 2004 г.).

иных государств — участников Конвенции своего рода «предупреждением» о том, что они должны предпринять определенные меры для исключения подобных ситуаций. В противном случае государство — участник Конвенции становится потенциальным «ответчиком».

В решениях о приемлемости также нередко решаются вопросы, которые могут оказать определенное влияние на национальное право. Вследствие этого правоположения, содержащиеся в решениях о приемлемости жалоб, имеют ту же силу и значимость, что и постановления, вынесенные против других государств — участников Конвенции. То есть они не являются обязательными для исполнения по смыслу ст. 46 Конвенции, но должны учитываться для тех же целей — избежать нарушения прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Анализируя ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, нельзя не отметить, что это единственная статья Конвенции и Протоколов к ней, которая, во-первых, **прямо говорит о гарантиях прав не только физических, но и юридических лиц**, и, во-вторых, **касается вопроса имущества и собственности**.

Первое из указанных положений, вероятно, нуждается в некоторых комментариях.

Дело в том, что достаточно длительное время превалировало мнение о том, что в ЕСПЧ коммерческие организации обращаться не могут. В известной степени оно было основано на названии Конвенции, которое содержит указание на права и свободы человека; отчасти — на неправильной трактовке положений ст. 34 Конвенции, предусматривающей возможность обращения в ЕСПЧ физических лиц, неправительственных организаций или группы частных лиц.

Это неверное представление привело к тому, что отечественными коммерсантами (индивидуальными предпринимателями и коммерче-

скими организациями) практически не использовался такой способ защиты, как обращение в ЕСПЧ. В результате вопросы нарушения их прав попросту не попадали в «орбиту» внимания ЕСПЧ. Указанное заблуждение в отношении возможностей ЕСПЧ рассматривать жалобы коммерческих организаций повлекло также и то, что его прецедентная практика не анализировалась для целей ее использования при разрешении именно коммерческих споров и, следовательно, не оказывала того влияния, которое, по сути, должна была бы оказывать на правоприменительную (в том числе судебную) практику.

Данное ошибочное убеждение, чрезвычайно распространенное, было в некотором роде «подорвано» постановлением ЕСПЧ, вынесенным по индивидуальной жалобе российского акционерного общества «Совтрансавто против Украины»⁵. Затем последовало еще несколько решений и постановлений ЕСПЧ, которые были вынесены по жалобам юридических лиц. Так, сравнительно недавно ЕСПЧ вынес постановление по индивидуальной жалобе «ООО «Русатоммет» против России», предметом которой было длительное неисполнение вступившего в силу решения арбитражного суда⁶.

⁵ Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2003 г. по делу «Совтрансавто Холдинг против Украины», жалоба № 48553/99 (CASE OF SOVTRANSVAVTO HOLDING v. UKRAINE).

⁶ Постановление ЕСПЧ от 14 июня 2005 г. по делу «ООО «Русатоммет» против России», жалоба № 61651/00 (CASE OF RUSATOMET LTD. v. RUSSIA) // Вестник ВАС РФ. 2006. № 1. Заявитель — юридическое лицо — предъявило к Правительству РФ иск об исполнении им своих долговых обязательств. Арбитражный суд удовлетворил этот иск, обязав Правительство РФ выплатить истцу сумму 100 тыс. долл. США. Несмотря на то обстоятельство, что вынесенное решение вступило в законную силу, оно длительное время не исполнялось ответчиком — сумма, присужденная заявителю, выплачена не была.

Таким образом, неправильный вывод о том, что ЕСПЧ принимает к рассмотрению только индивидуальные жалобы физических лиц, был в очередной раз опровергнут ЕСПЧ в постановлении по конкретному делу.

Переходя к рассмотрению второго положения указанной статьи, следует прежде всего подчеркнуть, что первоначально официальный перевод ст. 1 Протокола № 1⁷ был дословно следующим:

«Статья 1

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Протоколом № 11 к Конвенции тексты самой Конвенции и Протоколов к ней были существенно изменены, изменена нумерация ее статей и введены их заголовки.

В частности, ст. 1 Протокола № 1 получила название «Protection of property», что в официальном переводе звучит как «Защита собственности»⁸; претерпел существенные изменения и перевод текста самой статьи. Теперь официальный перевод на русский язык ст. 1 Протокола № 1 следующий:

⁷ Этот официальный перевод текста Протокола № 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁸ Этот официальный перевод текста Протокола № 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

«Статья 1

Защита собственности

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов и штрафов».

Содержащееся сегодня в официальном переводе Протокола № 1 к Конвенции на русский язык указание на «собственность» (в названии самой статьи и ее тексте) представляет собой не что иное, как неточность, допущенную при переводе на русский язык терминов «property» (в названии и абзаце втором текста статьи) и «possessions» (в абзаце первом текста статьи). Термин «собственность» при переводе на русский язык использован как эквивалент понятия «имущество» (т. е., по сути, в переводе использован «бытовизм»), что подтверждает также и второе предложение первого абзаца рассматриваемой статьи.

При, казалось бы, небольшой погрешности перевода вошедшая в текст официального перевода неточность имеет весьма серьезные последствия, препятствуя пониманию и применению Протокола № 1 к Конвенции.

Данная проблема наиболее выпукло обнаруживает себя при прочтении перевода постановлений ЕСПЧ по конкретным делам.

Например, перевод постановления ЕСПЧ по делу «Бурдов против России»⁹, опубликованного в «Рос-

⁹ Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу «Бурдов против России», жалоба № 59498/00 (CASE OF BURDOV v. RUSSIA).

сийской газете»¹⁰, содержит следующее: «Суд вновь напоминает, что «судебный иск» может пониматься как «собственность» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в случае, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано».

В переводах более поздних постановлений по жалобам против России встречается указание на то, «что «**требование**» может пониматься как «**собственность**» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции»¹¹ либо ссылка на то, «что «**исковое требование**»... может составлять «**собственность**» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции»¹² (выделено мной. — Прим. М. Р.).

Такой перевод искажает значение правоположений, сформулированных ЕСПЧ, и не позволяет уяснить их истинный смысл и оценить их значение. Это, в свою очередь, существенно ограничивает возможности защиты прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к

ней, препятствует возможности их учета в отечественной правоприменительной практике, а также имеет иные негативные последствия. То есть проблема терминологии, возникшая из-за неточного перевода на русский язык текста Протокола № 1 к Конвенции, имеет весьма негативные последствия.

Возможно, было бы допустимо смириться с употреблением термина «собственность» в значении «имущество» и с определенной долей условности использовать его. Однако некоторые авторы идут дальше и заявляют уже об автономном значении права собственности, которое придано ему в практике ЕСПЧ и которое не совпадает с принятым в национальных правовых системах¹³. Иными словами, *объект собственности (имущество)* уже отождествляется с *правом собственности*¹⁴.

В результате подобного смешения создается впечатление, что содержанием ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции охватывается только то имущество, которое находится у частного лица на праве собственности. Это, в свою очередь, существенно сужает круг имущества, права на которое по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции подлежат защите. И, таким образом, в круг объектов, упоминаемых в рассматриваемой статье, строго говоря, уже не могут быть включены объекты, не обладающие свойством материальности (телесности): результаты интеллектуальной собственности, доли в уставном капита-

¹⁰ РГ. 2002. 4 июля.

¹¹ См., например, постановления ЕСПЧ от 7 мая 2003 г. по делу «Тимофеев против России», жалоба № 58263/00 (CASE OF TIMOFEYEV v. RUSSIA); от 18 ноября 2004 г. по делу «Вассерман против России», жалоба № 15021/02 (CASE OF WASSERMAN v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 г. по делу «Макарова против России», жалоба № 7023/03 (CASE OF MAKAROVA v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 г. по делу «Плотниковы против России», жалоба № 43883/02 (CASE OF PLOTNIKOVY v. RUSSIA) и др.

¹² См., например, постановления ЕСПЧ от 30 июня 2005 г. по делу «Тетерины против России», жалоба № 11931/03 (CASE TETERINY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 г. по делу «Малиновский против России», жалоба № 41302/02 (CASE OF MALINOVSKIY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 г. по делу «Шпаковский против России», жалоба № 41307/02 (CASE OF SHPAKOVSKIY v. RUSSIA); от 12 июля 2005 г. по делу «Солодюк против России», жалоба № 67099/01 (CASE OF SOLODYUK v. RUSSIA), и др.

¹³ См., например: *Старженецкий В. В.* Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004. С. 46.

¹⁴ Смешение права собственности с его объектом имело место в римском праве; современное гражданское право отчетливо разграничивает эти понятия. Кроме того, четко разделены юридические и экономические категории собственности (см. подробнее: *Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов.* М., 1998. С. 476—477 (автор — Е. А. Суханов)).

ле хозяйственных обществ, бездокументарные ценные бумаги и т. д.

Между тем права на указанные объекты ЕСПЧ признает подлежащими защите по смыслу ст. 1 Протокола № 1. И с учетом этого авторами, исходящими из концепции автономного значения права собственности в практике ЕСПЧ, делается умозаключение о совершенно иной трактовке ЕСПЧ права собственности. Высказывается мнение о том, что ЕСПЧ разработана «широкая концепция права собственности, которая далеко не ограничивается материальными вещами. Она включает в себя весь спектр нематериальных объектов от интеллектуальной собственности до прав требования. ...Например, акции, обязательственные права требования, которые являются объектами частных правоотношений, кроме того, требования, установленные судебным решением, денежные требования к государству из налоговых и иных публичных правоотношений (в частности, возврат налогов, возмещение вреда в ходе административных производств). Указанные объекты представляют собой имущество, а, следовательно, на них распространяется право собственности в конструкции ЕКПЧ (Конвенции. — Прим. М. Р.)»¹⁵.

Подобные заявления, безусловно, не могут быть поддержаны.

Анализируя объекты, которые ЕСПЧ признает подпадающими под правило ст. 1 Протокола № 1, можно согласиться с тем, что данной статьей охватывается весьма широкий круг объектов. Однако речь не об «автономном значении права собственности», а о весьма прогрессивном подходе ЕСПЧ к толкованию понятия «имущество».

Иными словами, можно говорить о том, что **ЕСПЧ весьма широко толкует понятие «имущество»** (или, как указано в официальном перево-

де на русский язык Протокола № 1 к Конвенции, понятие «собственность»), **обобщая все передовые тенденции, намечающиеся в национальных правовых системах европейских стран, и тем самым на шаг обгоняя национальное законодательство.** И в связи с этим совершенно правильно говорить о «европейских стандартах», создаваемых ЕСПЧ, которые необходимо учитывать при совершенствовании национального гражданского законодательства.

Прецедентная практика ЕСПЧ (применительно к ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции) свидетельствует о том, что под понятие «имущество» подпадают не только вещи (в классическом их понимании), которые могут принадлежать частным лицам на праве собственности, но всякое иное имущество, обладающее определенной экономической ценностью (экономические активы). Более того, этим понятием охватываются также и объекты, которые по российскому праву достаточно проблематично отнести к имуществу, но которые обладают бесспорной экономической ценностью (например, деловая репутация и создание собственной клиентуры, лицензии на осуществление определенной экономической деятельности и т. п.).

На сегодняшний день ЕСПЧ рассмотрел немало жалоб против России, где указывалось на нарушение прав, гарантированных ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. В одном из постановлений по конкретной жалобе ЕСПЧ прямо подчеркнул, что по смыслу названной статьи в понятие «имущество» включаются не только вещи, но и «другие права и интересы, образующие активы»¹⁶. Вместе с тем в большинстве случаев при рассмотрении дел по жалобам против России у ЕСПЧ

¹⁵ Старженецкий В. В. Указ. соч. С. 51—52.

¹⁶ Постановление ЕСПЧ от 3 ноября 2005 г. по делу «Кукало против России», жалоба № 63995/00 (CASE OF KUKALO v. RUSSIA).

не было нужды давать толкование понятию «имущество», поскольку рассматриваемые объекты бесспорно к нему относились.

Так, в деле «Фризен против России» имуществом являлся автомобиль и личные вещи заявительницы¹⁷. При рассмотрении этого дела ЕСПЧ установил следующее. Муж заявительницы был признан виновным в совершении преступления и приговорен к лишению свободы с конфискацией имущества. При конфискации его имущества были конфискованы личные вещи заявительницы, а также автомобиль, принадлежащий ей на праве собственности. Заявительница обратилась в суд с требованием об отмене постановления о конфискации в отношении ее личных вещей и автомобиля, которое судом было удовлетворено в отношении личных вещей заявительницы и отклонено в отношении автомобиля без ссылки на какую-либо норму права.

Как установил ЕСПЧ, такое решение было принято российским судом по той причине, что автомобиль был куплен за деньги, полученные мужем заявительницы незаконным путем, и конфискация автомобиля была направлена на возмещение ущерба, причиненного преступлением. ЕСПЧ согласился с правильностью позиции российского суда о необходимости защиты общественных интересов (как это имело место в данном случае). Однако при этом он указал, что это не освобождало российские судебные власти от обязанности привести юридическое обоснование принятого ими решения (ни при разрешении уголовного дела в отношении мужа, ни в гражданском процессе правового обоснования конфискации автомобиля приведено не было). В отсутствие такого обоснования лишение заявительницы

имущества, принадлежащего ей на праве собственности, не может рассматриваться в качестве законного и является нарушением ее права, гарантированного Конвенцией (права на имущество).

По другому делу заявитель, являющийся адвокатом, обратился в ЕСПЧ с жалобой, указывая следующие обстоятельства¹⁸. Органами прокуратуры было возбуждено уголовное дело в отношении ряда лиц, и в связи с этим следователь прокуратуры постановил провести обыск в квартире заявителя, который был представителем некоторых из указанных лиц. Это постановление было мотивировано тем, что в квартире заявителя могли находиться предметы и документы, имеющие значение для расследования этого дела. В итоге квартира заявителя была обыскана; у него были изъяты документы и компьютер. Требование о признании обыска и изъятия незаконным, предъявленное заявителем в суд, было отклонено (суд признал, что обыск был произведен в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством); суд кассационной инстанции подтвердил правильность вынесенного судебного решения. ЕСПЧ признал данную жалобу приемлемой в части указания на нарушение ст. 8 Конвенции, (право на уважение частной жизни); ст. 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты); а также ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Как видно из изложенного, в рассмотренных случаях понятием «имущество» охватываются реально существующие и находящиеся во владении заявителей материальные объекты. Однако к имуществу ЕСПЧ относит как наличное (реально существующее) имущество, так и имущество, получения

¹⁷ Постановление ЕСПЧ от 24 марта 2005 г. по делу «Фризен против России», жалоба № 58254/00 (CASE OF FRIZEN v. RUSSIA).

¹⁸ Решение ЕСПЧ от 30 июня 2006 г. относительно приемлемости жалобы «Смирнов против России» № 71362/01 (CASE OF SMIRNOV v. RUSSIA).

которого мог «законно ожидать» заявитель.

Одна из разновидностей такого «законно ожидаемого» имущества заслуживает особого внимания. Речь идет о *требованиях, подтвержденных вступившим в законную силу судебным решением*.

Например, по делу «Буцев против России»¹⁹ предметом рассмотрения была жалоба заявителя на длительное неисполнение вынесенного и вступившего в законную силу судебного решения.

ЕСПЧ, рассмотрев данную жалобу, в очередной раз подчеркнул, что «требование» может быть рассмотрено как «имущество» в значении ст. 1 Протокола № 1, если установлено, что оно было осуществимо. Поскольку судебное решение суда обеспечило заявителя требованием, которое должно быть осуществлено (а не просто правом на поддержку государства, выраженную в общих чертах), а кроме того оно (судебное решение) вступило в законную силу, не обжаловалось и на его основании возбуждено исполнительное производство, ЕСПЧ признал, что *требование, подтвержденное судебным решением, представляет собой имущество заявителя*.

В этих условиях ЕСПЧ сделал вывод о том, что невозможность добиться исполнения этого судебного решения в течение длительного времени есть препятствование заявителю в пользовании своим имуществом, нарушающее ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 22 сентября 2005 г. по делу «Буцев против России», жалоба № 1719/02 (CASE OF BUTSEV v. RUSSIA).

Таким образом, неисполнение вынесенного и вступившего в законную силу судебного решения ЕСПЧ рассматривает не только как нарушение права на справедливый суд (ст. 6 Конвенции), но и как нарушение права частного лица на пользование своим имуществом, гарантированного ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. И, к сожалению, количество постановлений, содержащих упомянутые правоположения и выносимых против России, год от года возрастает.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что критикуемая неточность, допущенная при переводе ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, не только создает проблемы при уяснении положений Протокола, не только вынуждает российских юристов создавать сложные правовые конструкции, но и препятствует надлежащей оценке значимости прецедентов ЕСПЧ для развития российского частного права.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что официальный перевод на русский язык Протокола № 1 к Конвенции нуждается в изменении в части замены используемого в названии и тексте ст. 1 термина «собственность» термином «имущество». Эта необходимость обусловлена тем, что существующий официальный перевод текста Конвенции в данной части в силу допущенной ошибки не отражает действительного содержания, заложенного в рассматриваемой статье Протокола № 1 к Конвенции, препятствуя ее правильному пониманию и применению, затрудняя реализацию гарантированного Конвенцией права каждого беспрепятственно пользоваться своим имуществом.

